

**ЛЕГИТИМАЦИЯ ТРАЙБАЛИЗМА
В ПРИТЯЗАНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

А.А. Клинцов – соискатель

Раскрывается роль трайбализма в политической жизни новых суверенных государств Центральной Азии, его влияние на партийное строительство, на экономику, отражение в культуре.

Ключевые слова: легитимность; трайбализм; политические акторы; Центральная Азия.

Есть основания утверждать, что сегодня никто не сомневается в том, что трайбализм остается одним из важнейших атрибутов государственной и общественной жизни в постсоветских странах Центральной Азии. Западный политолог Б. Брауэр пишет, что “каждая из республик Центральной Азии официально именуется демократическим государством, из-за чего в глазах населения это слово совершенно обесценилось. Многие обитатели региона понимают под демократией лишь абсолютное господство одного семейного клана, который имеет больше прав и меньше обязанностей, чем прочие граждане страны, осуществляет контроль над парламентом и пользуется услугами аппарата госбезопасности”¹. Российский исследователь Б.В. Куроедов отмечает, что для стран

Центральной Азии “характерна незрелость наций и государственности: развитие трайбализма, регионализма и клановости; несоответствие западной формы устройства (демократических институтов) содержанию (наследие восточных деспотий)”². Известный кыргызстанский политолог, проф. А.А. Князев указывает, что в Центральной Азии “родоплеменные и чаще всего совпадающие с ними региональные отношения являются главным фактором политической жизни”³. Казахстанские политологи Е.М. Абе-нов, Е.М. Арынов и И.Н. Тасмагамбетов поясняют, что “*трайбализм – это, прежде всего, сохраняющиеся архаичные институты и организации, связанные с родоплеменным строем, архаич-*

¹ *Брауэр Биргит*. Пять государств, одна стратегия. Европейский союз в поисках нового пути в Центральную Азию // *Internationale politik*. – 2007. – №2 (март-апрель). – С. 36.

² Стратегическая матрица Кыргызстана: ретроспектива, современность и сценарии будущего развития. – М.; Алматы, 2007. – С. 411.

³ *Князев А.* Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. – Алматы; Бишкек, 2005. – С. 50.

ность социального развития, низкий уровень этнических процессов, враждебное отношение одной этнической группы к другой, этношовинистическая политика, направленная на предоставление льгот и привилегий определенной этнической группе в целом или ее представителям, использование этнического фактора в политических целях”¹ (курсив наш – А.К.). Известный российский туркестановед, проф. П.П.Литвинов, полемизируя с кыргызстанским политологом Н. Рахымбаем уулу, считающим, что пережитки прошлого несовместимы с “действительной демократией”, указывал на то, что в самых развитых странах Запада по сей день процветают и “уруучулук” (“трибализм”, и “тууганчылык” (родство), и “жердештик” (землячество), обосновывая это убедительными примерами². Но некоторые начинающие специалисты считают, что трибализм (клановость) в Центральной Азии находился на грани вымирания и только распад СССР спас его от неминуемой гибели. Так, бишкекский публицист С.В. Кожемякин полагает, что в постсоветской Центральной Азии “парад суверенитетов” возродил к жизни, казалось, забытые патриархальные обычаи. Трибализм из преследуемого и изживаемого явления превратился в едва ли не главную основу политического ландшафта. Дело в том, что разбуженная архаика соединилась с усиленно перенимаемыми западными образцами³. Труды видных профессионалов опровергают такие наивные суждения. Например, чл.-корр. Д. Джунушалиев пишет о фактической легитимации трибализма при советской власти, искусственно его поддерживавшей, особенно, при выборах в местные органы власти⁴. Политолог Ш. Кадыров считает, что «распространенные представления о советском управлении в Центральной Азии как о политике “разделяй и властвуй”, – не более чем миф. Метрополия учитывала наличие этнических границ и внутриэтнических членений, но целью ее

было все же создание в республиках суперэтносов – титульных наций; поэтому определяющее значение имел лозунг “объединяй и властвуй”. Кадровая политика Москвы была направлена на подготовку послушной ей новой элиты – евронационалов; однако утрата этой элитой своей этничности вследствие интенсивной русификации – другой миф советологии. На самом деле, чем сильнее было влияние России на местные элиты, тем лучше они оказывались подготовленными к независимому национальному существованию⁵. Видный кыргызстанский ученый, проф. З.К. Курманов указывает на то, что советский или партийный “вождь” – выходец из “низов” все равно должен был прибывать “в родовую ставку – к верховному манану, с которым оговаривал цель своего приезда и ставил перед ним конкретные задачи. Приказ непосредственно от большевистского руководителя не мог достиг поставленной цели, если эту санкцию не благословлял сам родовой вождь. Лишь после этого он приобретал полную силу и начиналась его реализация”⁶.

Несомненно, трибализм (клановость) – это явление диалектическое, соответствующее универсальным законам и категориям диалектики. Прежде всего, трибализм зависит от двух основных хозяйственно-культурных политических архетипов в регионе: кочевого (скотоводческого) и оседлого (земледельческого). Конечно, за советский период бывшие кочевые республики стали экономически развитыми – индустриально-аграрными. Но, по мнению профессиональных специалистов, это не изменило коренным образом традиционной трибальной ментальности номадов. Трибализм в бывших кочевых регионах Центральной Азии носит сейчас еще более “родоплеменной” характер, тогда как среди оседлого земледельческого населения, пережившего некогда в среднеазиатских ханствах первичные формы феодализации, он приобрел “земляческий”.

Проблемы трибализма вызывают дискуссии среди ученых и публицистов, и потому они иногда рассматриваются как некий социальный институт. Это ошибочно. Более того, по нашему

¹ Абенов Е.М., Арынов Е.М., Тасмагамбетов И.Н. Казахстан: эволюция государства и общества. – Алматы, 1996. – С. 85–86.

² Литвинов П.П. Ключи от будущего искать в прошлом // Слово Кыргызстана. Общенациональная газета. – 2006. – №21 (21911). – 3 марта.

³ Кожемякин С.В. Модернизация и глобализация: судьбы традиционных обществ в современном мире. – Бишкек, 2008. – С. 87–88.

⁴ Джунушалиев Д. Время созидания и трагедий. 20–30-е годы XX в. – Бишкек: Илим, 2003. – С. 100–106.

⁵ Кадыров Ш. Политические технологии в советской и постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии. – 2005. – №4 (30). – С. 202.

⁶ Курманов З.К. Национальная интеллигенция 20–30 годов: вклад в возрождение государственности кыргызского народа и борьбу с тоталитарно-авторитарным прошлым. – Бишкек, 2005. – С. 27.

убеждению, нет и политического архетипа трайбализма, устанавливавшего бы жесткую конструкцию взаимоотношений между родственными этническими общностями, а именно: их противостояния или противоборства. Мы полагаем, что трайбализм – это просто система жизненных отношений между “однокоренными” этническими общностями, возникающая и видоизменяющаяся в конкретных социально-исторических обстоятельствах. Таким образом, трайбализм, на наш взгляд, не принадлежит к разряду институциональных явлений в общественном развитии, а является (абстрактной, психологической в своей основе) рефлексией отношений между отдельными группами в пределах одного и того же этноса.

Естественно, что и в этом качестве он оказывает значительное влияние на международные отношения. Казахстанские исследователи Е.М. Абенев, Е.М. Арынов и И.Н. Тасмагамбетов уточняют, что в Казахстане наблюдается не трайбализм, а “родоплеменной и жузовый эгоцентризм, имеющий региональный подтекст и постепенно превращающийся в определенные группы давления (лобби)”. И эти группы давления – это “относительно узкие политические круги, основанные на общности местнического, родоплеменного и жузового происхождения, активно добивающиеся удовлетворения собственных интересов с помощью целенаправленного воздействия на институты публичной власти”¹. Казахстанский политолог Д. Сатпаев пишет в связи с этим о том, что “особенностью политической элиты Казахстана является то, что она никогда не была внутренне монолитной, а состояла из разных групп, подгрупп и ключевых персон, степень влияния которых напрямую зависела от степени приближения к главному центру принятия политических решений в лице президента страны”².

Несколько иная ситуация сложилась в Туркмении. Политолог Ш. Кадыров писал о том, что “традиционное туркменское общество раздроблено на землячества. Туркмены – это нация племен. Президент Ниязов опирается на туркмен племени ахалтеке, из которого он сам и происходит”. Ниязов в последние годы правления вытеснял “евронационалов” – туркмен и

¹ Абенев Е.М., Арынов Е.М., Тасмагамбетов И.Н. Указ. соч. – С. 87.

² Сатпаев Д. Особенности политического развития Казахстана // Центральная Азия: собственный взгляд: Сб. статей. – Бишкек, 2006. – С. 79.

заменял их “традиционалистами”. Ш. Кадыров отмечал: “Как ни парадоксально, появление в президентском окружении все большего числа традиционалистов укрепляет власть Ниязова, но не структуры централизованного государства”³. И он подчеркивал свою убежденность в том, что в Туркмении “после роспуска СССР трайбализм становится центральным и вместе с тем глубоко закутаным во фразеологию национализма элементом внутренней политики”⁴. Естественно, что в таком качестве он не мог не иметь соответствующих проекций на внешнюю политику и международные отношения Туркмении. Политолог Н.А. Халдарова пишет, что Туркменбаши (С. Ниязов) сознательно отдавал во власти “предпочтение текинцам из Ахала, вызывая тем самым зависть и неприязнь у представителей остальных туркменских племен к ахалтекинцам”⁵. Зарубежный политолог М.Б. Олкотт писала в 2005 г. о том, что “чем дольше проживет Ниязов, тем меньше вероятность того, что та часть элиты, которая сейчас находится в тюрьме или в изгнании, сможет сыграть важную роль в будущем”⁶. Ниязов через год умер, но оппозиционная элита никак не смогла проявить себя. У власти утвердился тот, кого на то “благословил” покойный “диктатор”. Преемник Туркменбаши пока удерживает трайбальное “равновесие” в Туркмении, однако его будущее, на наш взгляд, остается достаточно проблематичным.

Безусловно, имеет свою специфику и трайбализм в Кыргызстане. Известный политолог Н. Омаров писал, что отчасти из-за трайбализма страна “вернулась в середину XIX в., а кыргызский народ к состоянию слабоконсолидирован-

³ Цит. по: Калинина Н.В. Российская диаспора как фактор сохранения межэтнической стабильности // Диалог цивилизаций. Информационный бюллетень научного направления “Великий Шелковый путь и взаимодействие культур, народов и государств”. Вып. III. – Бишкек: Илим, 2003. – С. 212.

⁴ Кадыров Ш. Политические технологии в советской и постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии. – 2005. – №4 (30). – С. 214.

⁵ Халдарова И.А. К вопросу о классификации оппозиционных движений в Центральной Азии // Кавказ и Центральная Азия: аналитические материалы, текущие события. – Бюл. №2. – М., 2006. – С. 15.

⁶ Олкотт Марта Брилл. Центральная Азия: перспективы смены власти // Pro et Contra. – 2005. – №1 (28). – С. 70.

ной этнической общности с присущими ей пороками и недостатками”¹. Кыргызстанский исследователь З.И. Галиева писала в 2004 г. о том, что все парламентские выборы в КР, проведенные в постсоветский период выявили “узкогрупповые интересы отдельных лидеров партий, которые не позволяют партиям создавать широкие коалиции или движения для достижения общих целей. К тому же, политическая борьба между партиями – это не борьба различных идеологий, а борьба их лидеров, борьба личностей, к которым иногда, к сожалению, присоединяется региональный признак”².

События марта 2005 г. в Кыргызстане служат неплохой иллюстрацией политического торжества трайбализма. Парламентские выборы в Кыргызстане, предшествовавшие этим событиям, по мнению политолога Е. Карина, показали, что в стране “одними из основных субъектов региональной теневой политики являются родовые кланы. Через родовые связи осуществляется мобилизация сторонников. За поддержкой к кланам обращались как провластные, так и оппозиционные политики... кандидаты боролись не столько за отдельные голоса избирателей, сколько за влияние на главные кланы. Как следствие, основу электората кандидатов составляют их родовые общины... кланы связаны между собой специфической системой взаимоотношений. В отличие от Казахстана, где тот или иной род доминирует только на одной конкретной территории, кыргызские кланы равномерно расселены по всей стране, что только усиливает скрытую конкуренцию между ними... Участие родовых кланов в выборных кампаниях накаляло обстановку. Для преодоления трайбализма следовало бы пойти на формирование парламента по партийным спискам, так как политические партии в Кыргызстане не стали альтернативными политическими институтами, способными заменить кланы и группы давления. Они не формируют и не развивают политические дебаты в обществе, не предлагают новые идеологические платформы или политические доктрины”³. Было

бы ошибочным при этом не упомянуть о роли НПО (неправительственных организаций – А.К.) в Кыргызстане, которые, по отзывам того же Е. Карина, “являются более активными участниками политического процесса, нежели партии”⁴ (курсив наш – А.К.). Но еще более ошибочным было бы не указать, что почти все НПО в Кыргызстане финансировались из зарубежных фондов, связанных с Госдепартаментом США и ЦРУ.

После мартовских событий 2005 г. в Бишкеке политолог С. Масаулов отмечал, что “по мнению большинства кыргызских политических аналитиков, события 24 марта 2005 г. следует рассматривать не как подлинную революцию, а как клановый переворот (курс. наш – А.К.). Прежняя система управления, стержнем которой были клановые интересы, не уничтожена. Просто произошла замена людей Аскара Акаева на других”⁵. Мы полагаем, что сегодня С. Масаулов считает иначе, так как на президентских выборах в июле 2009 г. К. Бакиев победил, на наш взгляд, достаточно объективно, что бы там ни говорили по этому поводу его противники в самом Кыргызстане или не вопили о “нарушении демократии” и “прав человека” зарубежные “наблюдатели” из ОБСЕ.

Вместе с тем, мы считаем, что на “трайбальном фронте” в Кыргызстане после мартовских событий 2005 г. произошло не очень много перемен, способных принципиально изменить ситуацию, складывавшуюся веками. В 2006 г. исследователь Н.А. Халдарова писала о том, что “формирование системы политических партий в КР уходит корнями в региональные кланы и общины. Поэтому политическая оппозиция КР активно использует гражданское население, определяющее себя по тем же (родоплеменным – А.К.) признакам, в качестве ресурса давления на правящий режим”⁶. Однако, на наш взгляд, принятие в 2007 г. новой Конституции Кыргызской Республики и переход к пропорциональной избирательной системе уже дали известный позитивный эффект.

Кыргызстанский общественный деятель М. Кабылбекова заявляет о том, что в ее стране “никогда клановость, родоплеменная принадлежность кыргызов не будет изжита – это сейчас

¹ Омаров Н. Кыргызстан-2025: образы политического будущего // Кыргызстан-2025. Стратегия и сценарии развития. – Бишкек, 2005. – С. 41.

² Галиева З.И. Политические партии и выборы в Кыргызстане // Вестник КНУ. – 2004. – Сер. 1. – Вып. 4. – С. 49.

³ Карин Е. Бархатный сезон в Центральной Азии: кыргызстанская модель смены власти // Вестник Евразии. – 2005. – №2 (28). – С. 200.

⁴ Там же.

⁵ Масаулов С. Кыргызстан-2025: дальнейшие модернизации? // Кыргызстан-2025. Стратегия и сценарии развития. – Бишкек, 2005. – С. 73.

⁶ Халдарова И.А. Указ. соч. – С. 5.

возводится в ранг государственной политики. Санжира (генеалогия кыргызских родов и племен – А.К.) имеет и позитивное, и негативное значение. У всех ведущих политиков Кыргызстана на столе или где-нибудь в закутке лежит эта книжка¹. И мы отчасти разделяем это мнение, поскольку полностью изживать, например, ту же “родоплеменную принадлежность” не только бессмысленно, но и вредно. Человек должен знать свое прошлое, генеалогию, иначе он встанет на путь превращения в “манкурта”. Поэтому неудивительно, что в и современной Центральной Азии есть некоторые тенденции закрепления и даже углубления трайбального “чувства”, в частности, среди кыргызов. Российский политолог Е.В. Павлов пишет, что “сейчас в Киргизии все заметнее становится уклон в сторону ретрадиционализации, то есть ориентации на прошлое без четкого понимания ориентиров будущего. Родоплеменные, кланово-региональные отношения до настоящего времени остаются основными неформальными институтами в политическом и ином пространствах, формируют микшированную поведенческую среду и играют более значимую роль, нежели политические либо экономические пристрастия и ориентиры при принятии решений на государственном уровне и не только. Очевидно, что эти неформальные институты пока подменяют собой институты политической и правовой культуры². Таким образом, ситуация с трайбализмом в Кыргызстане, на наш взгляд, будет еще долго, но объективно злостодневной. Парламентский деятель Кыргызстана Б.М. Мурзубраимов справедливо отмечает, что “актуальной для Кыргызстана в условиях переходного периода является проблема преодоления в кадровой политике такого негативного явления, как трайбализм... явление это не просто негативно сказывается на государственном управлении и государственной службе Кыргызстана, но и подрывает его устои³. Но мы не считаем ситуацию с трайбализмом в этой стране драматической. Отнюдь. За время независимого

и суверенного существования Кыргызстана сложилось новое этнополитическое сознание кыргызов. Социалистический строй, способствовавший во многом консервации трайбальных отношений, приказал долго жить. Пришедший ему на смену несовершенный, но все же рыночный “капитализм” постепенно стирает многие черты былого обыденного повседневного сознания, не соответствующего новому времени. Люди начинают понимать, что не родственный фактор, а профессионализм и опыт играют определяющую роль в судьбе страны, что уже весьма заметно проявляется в сфере бизнеса. Безусловно, это найдет свою рефлексию на государственной и иной службе (в органах местного самоуправления, не относящихся, как известно, к государственным). Разумеется, это будет процессом постепенным, но его объективная неуклонность гарантирована самим характером диалектического развития всех процессов. А диалектике развития противостоять невозможно.

В Таджикистане трайбализм является “оседлым” и потому более “земляческим”, чем “родоплеменным”. Гражданская война 90-х гг. отчетливо показала неоднородность и значительные трайбальные (клановые) предрассудки среди населения страны, считающего “чистыми” таджиками памирцев, каратегинцев, дарвазцев – древнейших аборигенов Таджикистана, а “нечистыми” – “кулябцев” и “худжандцев”, которые более всего смешивались с тюрками. Есть более мелкие группы (по территориальному признаку): например, “гиссарцы” и др. Политолог С. Шарипов утверждает, что современное партийное строительство в Таджикистане и характер самих партий “свидетельствуют о том, что клановым интересам постепенно приходится уступать место партийным⁴. Видимо, он хотел показать, что трайбализм (клановость) в Таджикистане успешно преодолевается и постепенно сходит на нет, но вряд ли он преуспел в этом, поскольку в современном Таджикистане образование партий происходит по-прежнему именно по региональному (клановому) признаку. И межпартийная борьба в этой стране является (завуалированным под “демократический”) видом перманентного противоборства традиционных таджикских кланов.

В “оседлом” Узбекистане ситуация с трайбализмом схожа с таджикской и, прежде всего, в том, что он здесь тоже имеет “земляческий”

¹ Цит. по: Орлова Т. Открыть другие горизонты // МСН. Общественно-политическая газета. – 2006. – 28 февраля.

² Павлов Е.В. Политическая система переходного общества в условиях глобализации: центральноазиатская специфика. – М.; Бишкек, 2008. – С. 113.

³ Берегите мудрецов – “поэтов света” // Слово Кыргызстана. Общенациональная газета. – 2007. – 14 сентября.

⁴ Шарипов С. Политическая система Республики Таджикистан // Центральная Азия: собственный взгляд. – Бишкек, 2006. – С. 286.

(клановый, региональный) характер. Политолог Ш.Кадыров писал, что “в Узбекистане самаркандский клан президента Каримова господствует над ташкентскими, бухарскими и ферганскими клановыми группировками... не исключено, что апрельские события 2005 года в Андижане были во многом спровоцированы борьбой режима Каримова с элитой Ферганской долины, ибо в ней, оттесненной от власти, сильны оппозиционные настроения”. При этом он подчеркивал, что «для ташкентских узбеков “ферганские считай, что и не узбеки”»¹. Естественно, что кланы в этой стране сложились не в царский или советский периоды. И, разумеется, не в постсоветский. Они сформировались еще во времена среднеазиатских ханств, которыми правили узбекские династии. Несомненно, узбекские кланы были порождением локализации социально-экономической жизни ханств, которая сохранилась и при царизме, и в годы советской власти.

Безусловно, кланы (трайбы) являются ведущими политическими акторами во внешней политике и международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии, имеющими в ней весьма значительные притязания. Они хотят держать под своим контролем и международные отношения. Отсюда следует, что главными притязаниями кланов (трайбов) должны быть властные. Каждый клан стремится получить максимум важных мест в государственных и иных институтах, властных прерогатив и полномочий. Клановые представители во власти стараются реализовать свои притязания на получение разного рода преференций и выгод в международных отношениях своих стран.

В системе международных отношений постсоветских государств Центральной Азии трибализм (клановость) также находит свою рефлексию в том случае, когда политическими акторами начинают выступать приграничные роды и племена (кланы). Политолог Ш. Кадыров указывает, что некоторые из них, подверженные трибальному чувству навредить правящему в стране враждебному клану, могут вступать в контакты с властями пограничных государств, желающими тоже ослабления правящего режима в соседней

¹ *Кадыров Ш.* Политические технологии в советской и постсоветской Центральной Азии // *Вестник Евразии.* – 2005. – №4 (30). – С. 204–205.

стране². С этой целью приграничным племенам оказываются разные виды помощи, преференции и проч. Позже это может быть эффективно использовано, например, при выдвигании территориальных претензий, обосновывающихся на якобы существующем желании приграничных племен жить в пределах соседнего государства.

Таким образом, проблема легитимации трибализма в притязаниях политических акторов в Центральной Азии представляет собой важный аспект в анализе внешнеполитического дискурса в странах региона. На наш взгляд, этот аспект заслуживает более глубокого и всеобъемлющего изучения, так как трибализм и сегодня сохраняет свое эффективное воздействие практически на все стороны политического процесса в постсоветских государствах региона. Есть все основания полагать, что и в дальнейшем в странах Центральной Азии это воздействие не утратит своего значения. Однако, на наш взгляд, не следует добиваться тотального изживания трибализма. Кыргызстанские историки Д.Д. Джунушалиев и В.М. Плоских справедливо указывали на трибализм как объективный фактор в общественном развитии коренных народов Центральной Азии, способствовавший сохранению их этнокультурной самобытности, консолидации, мобилизации и проч.³ Мы полагаем, трибализм как общественное (но не политизированное) явление нуждается в сохранении и впредь как часть этнокультурного наследия автохтонных народов региона, как атрибут их исторической памяти. И это поможет им в будущем, а “плодотворное созидание будущего, – отмечает церковный историк и политолог, митрополит Среднеазиатский и Ташкентский (а равно: Бишкекский, Душанбинский и Ашгабатский) Владимир (Иким), – возможно только при опоре на историческое прошлое, так же, как здание можно строить лишь на прочном фундаменте”⁴. И вряд ли кто станет серьезным образом оспаривать это мнение.

² Там же. – С. 215.

³ *Джунушалиев Д.Д., Плоских В.М.* Трибализм и проблемы развития Кыргызстана // *Центральная Азия и Кавказ. Общественно-политический журнал.* – 2000. – №3 (9). – С. 148.

⁴ *Владимир, Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский.* Через прошлое в будущее // *Диалог цивилизаций.* Вып. III. – Бишкек: Илим, 2003. – С. 17.